

ЖУРНАЛИСТЫ И ИСТОРИКИ

Будучи историком по образованию и проработав много лет в периодической печати, теперь я в основном посвящаю свое время историческим исследованиям и не считаю, что эти две профессии — историка и журналиста, так уж сильно разнятся друг от друга. Поставив точку в очередной газетной или журнальной статье и вернувшись к своей научной монографии, я остаюсь самим собой и не испытываю никакого раздвоения личности. Я чувствую, что в обеих этих ипостасях занимаюсь примерно одним и тем же. По-моему, как журналисты, так и историки выполняют одну задачу — описывают и интерпретируют события. В основе обеих профессий — поиск и разъяснение истины. Кто может сказать, где кончается труд историка и начинается работа журналиста? Настоящее постоянно превращается в прошлое. Выйдите за рамки сегодняшней газеты, и вы уже окажетесь в сфере истории. Серьезный журналист не упустит из виду исторические предпосылки описываемых им событий, а хороший историк — сегодняшнюю действительность.

Подчас я сравниваю исторический прогресс человечества с движением океанского лайнера. Ровно работают гигантские двигатели, не ослабевает вращение винтов, судно безостановочно идет по курсу, прорезая носом спокойные воды и оставляя за кормой постепенно затухающую волну. Никому не дано вернуть уже отброшенные назад струи или заглянуть в те пучины, которые кораблю еще предстоит пересечь. На мостике капитан и рулевой не отрываю глаз от расстилающихся впереди далей. Журналист и историк сидят на корме, обратив взоры на кильватер, ку-

да убегает поток ушедшего времени. Журналист наблюдает за близкими волнами, историк — за более отдаленными, исчезающими за горизонтом. Но оба следят с одной палубы за одним и тем же океаном, напрягая зрение, разум и воображение.

Убеждение, что работа журналиста коренным образом отличается от работы историка, возникло сравнительно недавно, в основном потому, что исторические труды все чаще публиковались профессионалами-исследователями из академической среды (эта тенденция зародилась около 1850 г. и окончательно укрепилась уже в нашем столетии). Но до середины прошлого века авторами исторических описаний были самые разные по профессии люди, многие из которых сами участвовали в событиях, о которых рассказывали. Например, исторические сведения, содержащиеся в книгах Ветхого Завета, собирались придворными израильских и иудейских царей, свидетелями и непосредственными участниками описываемых ими ситуаций. “Отец истории” Геродот сам много путешествовал, возможно, с торговыми целями. Самый блистательный историк античности Фукидид был воином и предпринимателем (то же самое можно сказать и о других авторах самых знаменитых исторических описаний древности, в том числе и о Цезаре с его “Записками о Галльской войне”). С другой стороны, с нашей точки зрения Фукидид был и журналистом, поскольку он первым в Греции не только описывал прошлое, но и фиксировал события своего времени, причем отнюдь не как пассивный наблюдатель.

А что сказать об англосаксонском монахе Беде Достопочтенном, первом из великих британских летописцев, авторе “Церковной истории народа англоv”? Он нередко наставлял мирских владык в государственной мудрости и жил отнюдь не только делами церкви. Из своего относительно спокойного времени он предчувствовал грядущие бури и, по его собственным словам, писал не только “для

просвещения будущих поколений”, но и для пользы правителей собственной страны. Мэтью Парис, крупнейший английский историк средневековья, был также журналистом. Знаменитый путешественник, поэт, драматург и воин елизаветинского времени Уолтер Рэли не только возглавил разгром “Непобедимой Армады”, но и был автором “Мировой истории”. Граф Кларендон, Маколей, Карлейль — эти классики британской историографии были и превосходными журналистами. Карлейль, всю жизнь подрабатывавший в периодической печати, часто соединял в своих книгах прошлое и настоящее, желая таким образом преподать современникам моральный и практический урок.

Примечательно, что и великие исторические писатели и мыслители, чьи взгляды оказали влияние на массовые представления об истоках и развитии цивилизации, часто активно участвовали в жизни общества. Свои знания они черпали не только из книг, но и из наблюдений за событиями повседневными. Я имею в виду Адольфа Тьера во Франции, Чарльза Берда в США, Макса Вебера в Германии, лорда Джона Эктон в Англии. Даже в нашем веке, веке академической истории, многие блестящие авторы немало выиграли от личного участия в исторических событиях. Марк Блок воевал и участвовал в движении Сопротивления. Уолтер Ростоу и Артур Шлезинджер, выступая в качестве историков, во многом полагались на опыт, приобретенный на государственной службе. Арнольд Тойнби и сэр Льюис Намьер во время Первой мировой войны занимались дипломатией и политической разведкой, да и потом не потеряли связи с политикой. Сэр Исайя Берлин в годы Второй мировой войны был на дипломатической работе в Вашингтоне, а Хью Тревор-Ропер служил в британской разведке — из-за этого они оба гораздо лучше осознали, как именно делается реальная история. Не будет даже ошибкой сказать, что блестящий труд

Тревор-Ропера “Последние дни Гитлера” (первоначально написанный как военный доклад) — это и историческое исследование, и один из первых примеров “журналистского расследования”.

Мне кажется, что справедливо и обратное: как правило, качество работы журналиста сильно улучшается, если он умеет обращаться с архивными данными и прочими историческими источниками. Почти все журналисты, чьи публикации я особенно ценю и на чьи сообщения и суждения больше всего полагаюсь, написали хотя бы одну-две работы исторического характера. И это не удивительно. Когда я сам изучал историю в Оксфорде, наши профессора свято верили, что прошлое и настоящее надо класть на разные полки, поскольку бесполезно пытаться познать одно с помощью другого. Как любил говорить один из моих наставников А. Дж. Тейлор, самый большой урок истории состоит в том, что из нее невозможно извлечь никаких уроков. Но весь мой последующий опыт историка и журналиста говорит о глубокой ошибочности подобных взглядов. Конечно, уроки из истории надо извлекать с большой осторожностью, поскольку исторические аналогии и параллели обычно весьма ненадежны. Однако тот, кто утверждает, что знания о прошлом полностью бесполезны для понимания настоящего, бросает вызов и разуму, и здравому смыслу, и повседневному опыту.

ВСЕ ЗАВЯЗАНО НА ПРОШЛОМ

И у новейших событий есть своя предыстория. Любая человеческая проблема в той или иной степени унаследована от прошлого. Журналист не может ограничить себя одним лишь настоящим, даже если он этого хочет — не в его силах забаррикадироваться от вторжения осколков давно случившегося. Чем тщательней он пытается осмыслить текущие события, тем дальше его уводит в прошлое

сама логика поиска фактов и объяснений. То же можно сказать и о прогнозах — все они основаны на уже накопленном опыте. Допустим, журналист хочет понять причины непрекращающегося террора в Северной Ирландии. Можно ли объяснить их тем, что произошло в Лондондерри в 1968 г.? Можно, но лишь отчасти. Нужно искать и другие причинные связи, но тогда придется копнуть поглубже, приняв во внимание не только решения лондонских политиков двадцатых годов, но и несколько столетий англо-ирландских отношений. Конечно, на этом пути журналист столкнется со множеством маловажных или вообще несущественных с его точки зрения фактов — но убедиться в этом можно, лишь имея эти сведения и оценив их значение.

В общем, журналист должен время от времени отрываться от своих заметок и статей ради книжной премудрости. Мне приходилось убеждаться в этом и при подготовке небольшой книги об Ирландии, и при изучении современной ближневосточной политики. Точно так же не подлежит сомнению, что уроки истории России и особенно попыток реформ авторитарной российской государственности помогают лучше понять Горбачева.

Рассуждая в своей второй ипостаси автора исторических книг, я готов подтвердить, что журналистский опыт весьма полезен для творческого воссоздания и осмысления прошлого. Если вы лично знаете современных государственных деятелей, сопровождаете их в поездках, наблюдаете, как они работают, присутствуете при планировании будущих действий и видите, как эти планы приводят к совершенно непредвиденным результатам, если вы не ограничиваетесь ролью поверхностного наблюдателя, а стараетесь проникнуть в глубину сложных и запутанных политических событий и взаимодействий, вы получаете в свое распоряжение множество бесценных ключей к пониманию далекого прошлого. В конце концов, природа чело-

века и созданных им институтов неизменна, хотя условия нашей жизни все время меняются. Гордость, трусость, честолюбие, жадность, безразличие и негибкость бюрократии, зависть сослуживцев, ограниченность военного мышления, ярость и безумие толпы — эти и многие другие факторы присутствуют и действуют в истории на протяжении тысячелетий, не исключая и нашего времени. Прошлое и настоящее образуют один необъятный континуум, и для понимания их нужны примерно одни и те же знания и навыки. Эти рассуждения я хочу закончить таким выводом: изучая историю, журналист повышает свое профессиональное мастерство; опыт журналистской работы помогает историку куда лучше понять прошлое.

ОБЩИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ

Нужно добавить, что обеим профессиям присущ и ряд общих добродетелей — я упомяну лишь несколько самых важных. Начну со способности работать с источниками, находить их, оценивать и использовать. В свое время считалось, что историки и журналисты пользуются совершенно разными видами источников (кое-кто полагает так и поныне). Это чепуха. В каком-то смысле источники у них всегда были общие; с учетом сегодняшнего разделения академической истории и журналистики, можно сказать, что представители этих профессий работают с источниками, все более взаимозаменяемыми. И те, и другие прибегают к услугам библиотек, и если какой-то журналист не в состоянии свободно пользоваться самыми современными библиотечными ресурсами, это лишь свидетельствует о его негодности для серьезной работы. И те, и другие обращаются к архивам, причем американские журналисты, пользуясь Законом о свободе информации и другими аналогичными постановлениями, открывающими свободный доступ к государственным документам, делают

это все чаще. Умение работать с архивными фондами для современного журналиста почти столь же важно, как и для историка.

С другой стороны, современные историки не должны уступать журналистам в умении обращаться с электронными коммуникационными устройствами. Можно даже сказать, что если историк собирает воспоминания очевидцев и другие фактические данные из области так называемой устной истории, он действует примерно как журналист в аналогичной ситуации. Более того, и историк, и журналист оценивают собранные сведения на основе одних и тех же критериев: чьим словам и в какой степени можно верить, какие правдивые показания заслуживают внимания, а какие нет. Какой источник надежен, какой сомнителен, а какой и вовсе не вызывает доверия? Что делать, если вы собрали данные, реально или хотя бы по видимости противоречащие друг другу? Обязаны ли вы информировать читателя об этих противоречиях, и если да, то в каких пределах? И, наконец, как далеко вы можете зайти, пытаясь самостоятельно разрешить подобные сомнения и сформулировать какой-то окончательный вывод? Журналисты и историки сталкиваются и с общими этическими проблемами, многие из которых связаны с профессиональным долгом и способами его осуществления. Обе профессии в принципе исходят из того, что их цель — искать и находить истину, какие бы соблазны и препятствия ни вставали на этом пути. Но поиск истины требует правильной методологии, и я не вижу, почему методы журналистов и историков должны отличаться от методологии естественно-научного поиска, той самой методологии, которую на практике применял Альберт Эйнштейн и в общем виде описал Карл Поппер.

Согласно Эйнштейну, ученый начинает с гипотезы, а затем пытается доказать ее справедливость. При этом он

со всей возможной объективностью изучает данные опыта, отнюдь не пытаясь подогнать их под свою концепцию. Самыми различными способами ученый испытывает свою теоретическую модель на прочность, и если она не выдержит проверки, то ее необходимо изменить или вовсе отбросить, сколько бы труда ни было вложено в ее разработку. Комментируя эти методологические принципы Эйнштейна, Поппер подчеркнул, насколько важно сформулировать исходную гипотезу с максимальной конкретностью, чтобы создать наилучшие условия для ее точной проверки. Поппер также отметил, что ученый обязан искать не только данные в пользу своей модели, но и данные, позволяющие ее опровергнуть.

Конечно, делать это куда как непросто. Даже ученому, чье исследование обычно лишено этических или эмоциональных обертонов, нелегко применить эти принципы на практике, а историку и журналисту, чья работа неотделима от морального контекста и насыщена мнениями и эмоциями, еще труднее. Но именно потому, что приведенным выше стандартам сложно следовать, соблюдать их нужно неукоснительно.

Многие историки, особенно самые лучшие, начинают каждое новое исследование с предварительных догадок, гипотез и общих концепций, в свете которых они интерпретируют фактические данные. Вполне понятно, что поэтому историки с изрядной неохотой принимают в рассмотрение факты, ставящие под сомнение их теории. Например, Арнольд Тойнби, с редким спокойствием и беспристрастностью составлявший ежегодные обзоры событий для Королевского института международных отношений, поступал совсем иначе, когда работал над своей монументальной десяти томной монографией “Постижение истории”, и весьма вольно обращался с фактами, не укладывающимися в прокрустово ложе его общих построений. Льюис Намьер, по праву заслуживший репута-

цию в высшей степени “научного” историка, уделявшего чрезвычайное внимание точности конкретных деталей, тоже был не чужд вольностям в обращении с фактами, работавшими за или против его общих представлений о царствовании Георга Третьего (в частности, никак нельзя доверять тому, что Намьер написал об Эдмунде Берке, явно выпадавшем из его схемы). Как мне довелось убедиться на собственном опыте, историку очень сложно подчиниться строгим правилам Поппера, поскольку они заставляют преодолевать естественное человеческое стремление доказать справедливость того, во что мы заранее верим. Научная строгость и в самом деле противоречит человеческой природе, и поэтому нам приходится прилагать столь героические усилия, чтобы подавить наши инстинкты и поставить на первое место поиск истины.

ЖУРНАЛИСТАМ НУЖНА БЕСПРИСТРАСТНОСТЬ

Объективность — проблема не только историков, но и журналистов. Более того, последним часто труднее добиться беспристрастного освещения событий — ведь они работают в такой спешке! Но стремиться к объективности журналисты обязаны никак не меньше историков, фактически даже больше, поскольку пишут не для профессионалов, обладающих временем, и желанием тщательно изучить и критически оценить предлагаемые им выводы, а для публики, в постоянной спешке не слишком внимательно пробегающей газетные страницы по пути на работу. Сегодняшние журналисты, в том числе и самые известные и уважаемые, нередко игнорируют мудрые предупреждения Поппера.

Особой поспешностью и пристрастностью грешат так называемые “журналисты-расследователи” (кстати, этот титул они обычно сами себе и присваивают). Я часто ду-

маю, что это определение больше всего подходит к тем, кто работает по схеме — сначала определенный вывод, а потом уже фактические доказательства специально “под него”, а если таковых не найдется — тем хуже для фактов, их ведь можно и подкорректировать, а в случае надобности и придумать. Истина, однако, в том, что так называемые “события из жизни”, которые журналисты якобы обязаны фиксировать, редко настолько понятны и просты, чтобы однозначно служить подтверждением или опровержением заранее придуманных теорий. Обычно такие события, особенно в сфере политики, многосложны и многомерны, и этим-то особенно интересны. Наши непогрешимые журналисты-сыпчики, стремящиеся извлечь из бистротекущего потока событий простые политические выводы, почти всегда бьют мимо цели и потому оказывают дурную услугу читателям, мешая тем понять характер и причины происходящего.

Коль скоро и журналисты, и историки не свободны от искушения “доказать” заранее придуманную гипотезу, для тех и других чрезвычайно важно избежать любой идеологической предвзятости и любого догматизма (это добродетель номер три моего списка). Еще в школе мне довелось изучать споры между протестантским (возможно, его правильней назвать скептическим) историком Дж. Култоном и такими апологетами католицизма (и тоже историками), как кардинал Гаскет, Хилэйр Беллок и другие. Уже тогда меня поразило и до сих пор продолжает поражать, что все эти талантливые и любящие свой предмет историки теряли изрядную долю присущего им профессионализма, лишь только начинали выступать защитниками того или иного “дела”. С еще большей справедливостью то же самое можно повторить и о марксистских историках, уверенных, что им досконально известно не только как в те или иные времена действовали индивидуумы и исторические силы, но и как те и другие *обя-*

заны действовать. С моей точки зрения, само выражение “историк-марксист” — терминологическое противоречие. Конечно, я не имею в виду, что марксист не может заниматься историей. Я хочу сказать другое: лишь будучи плохим марксистом, можно быть хорошим историком.

Тот же вывод справедлив и по отношению к работникам печати. Мне надоело слышать о так называемых “католических журналистах”, “феминистских журналистах”, “партийных журналистах” и тому подобное. Ради Бога, пусть они обрушивают на нас свои суждения и мнения, лишь бы не выдавали их читателям за нечто совсем другое. Пусть выдвигают любые аргументы, но только открыто, без всякой маскировки, и если они представляют себя беспристрастными репортерами, я сразу вступаю в подозрительность. Я хочу получать новости в чистом виде, не замутненные никакими догмами. Так что марксистская журналистика — такая же нелепость, как и марксистская история. Журналист в человеке просыпается не раньше, чем в нем заснет марксист, и на примере сегодняшней России мы четко видим, что это именно так.

Целых семьдесят лет советские газеты просто невозможно было читать как обычную западную периодику. Скорее они напоминали трактаты тайных орденов, нуждавшиеся в тщательной дешифровке со стороны советологов. Теперь все изменилось, и российская пресса подает новости просто как новости, а не как иллюстрации к заранее заданной модели развития человечества. Газеты стали просто газетами, и насколько же они от этого сделались интереснее! С начала перестройки газетчики все в большей степени стали вести себя не как защитники марксистского учения, а просто как журналисты. Вряд ли стоит удивляться, что по этому же пути двинулись и историки.

Одна из черт советской гласности — признание исторической роли отдельной личности. Четвертая добро-

детель, которую я тщательно рекомендую и историкам, и журналистам, как раз и состоит в том, чтобы без преувеличений и преуменьшений учитывать воздействие человеческого характера и человеческой природы на общественные события. Полагаю, что мы должны отвергнуть детерминизм во всех обличьях, идет ли речь о марксистской разновидности с ее подчеркиванием экономического фактора (производительных сил и производственных отношений), о подходе Фернана Броделя и всей школы “Анналов”, придающих решающую роль географическим факторам, или о концепции “длинных волн” и прочих моделях — иначе говоря, обо всех объяснительных схемах, делающих те или иные безличные силы едва ли не единственными действующими лицами на мировой сцене.

ЛИЧНОСТЬ В СОСТОЯНИИ НАЛОЖИТЬ СВОЙ ОТПЕЧАТОК НА ИСТОРИЮ

Для меня все эти догматические умственные конструкции неприемлемы не только потому, что в их несостоятельности меня убеждают и рассудок, и занятия историей, но также и потому, что они противоречат моему опыту журналиста. Весь мой личный и профессиональный опыт укрепляет меня в убеждении, что сегодня, так же как и в прошлом, мало что может сравниться по важности с волей и упорством отдельного человека. На протяжении жизни я трижды видел, как могучие личности меняли на вид неизбежный ход исторических событий. Впервые это случилось в сороковом году, когда я двенадцатилетним мальчишкой увидел, что сделал Уинстон Черчилль, став во главе деморализованной и почти побежденной страны, которую он поднял на решительную борьбу с нацистской Германией. Можно спорить о степени личного участия Черчилля в руководстве военными усилиями Великобритании, но бессмысленно отрицать, что без

Черчилля течение войны, а вместе с ним и всей истории нашего века, были бы совершенно иными (это абсолютно очевидно для всех современников тех событий).

В пятидесятые годы я жил во Франции и имел полную возможность наблюдать потрясающую слабость Четвертой Республики и ее непрекращающиеся неурядицы. Нельзя было не заметить, с каким презрением рядовые французы относились к государственной власти. На моих глазах к власти пришел генерал де Голль, который практически в одиночку восстановил престиж государства и всего лишь за какие-то десять лет полностью изменил почти столетний ход французской истории, превратив Францию в динамичную, процветающую и уверенную в себе страну.

Еще через двадцать лет я оказался свидетелем аналогичных перемен в Англии после того, как Маргарет Тэтчер возглавила правительство. Ее упорство, несокрушимая воля, смелость и целеустремленность совершили чудо, превратив впадающую в пессимизм и быстро теряющую мировое значение нацию в здоровое, энергичное и исполненное надежд сообщество. Подчас мне кажется, что аналогичный феномен я наблюдал и в четвертый раз, уже в Америке, когда Рональд Рейган сменил на посту президента Джимми Картера.

Чем дальше я изучаю прошлое и чем лучше ощущаю динамику современности, тем больше убеждаюсь, что в истории нет ничего важнее решимости и воли отдельного человека. Обязанность и журналистов, и историков — искать и находить сильные личности, понимать их, по достоинству оценивать, точно описать, вплетая в повествование о событиях, на которые эти личности накладывают свой отпечаток, и рассказ о них самих. Значение исторических и журналистских работ в высшей степени определяется именно тем, насколько успешно авторы справляются с этой задачей.

Каждый читатель, неважно, молодой или старый, мужчина или женщина, высоколобый интеллеktуал или простой смертный, инстинктивно желает узнавать новости и исторические сведения, привязанные к конкретным личностям — и я бы назвал это здоровым инстинктом. События прошлого можно описать только через их участников, каждый из которых был живым и земным человеком своего времени. То же самое справедливо и для текущих новостей, которые в конечном счете создаются индивидуальными или коллективными действиями наших великих и малых современников. Критики средств массовой информации иногда жалуются, что те стремятся “персонализировать” все происходящее. Если такая тенденция заходит слишком далеко, она и в самом не приносит пользы журналистике. Но сбалансированное и компетентное изложение прошлых и настоящих событий, слитое с рассказом об их участниках — это, по моему мнению, важнейшая добродетель и истории, и журналистики.

Объяснить это нетрудно. Люди, как правило, интересуются себе подобными, и это вполне естественно. Читатели ждут как от газет, так и от исторических трудов повествований о конкретных личностях, вызвавших к жизни те или иные события. Это придает сообщениям аромат живой жизни и делает их привлекательными для читателя. “Нечитабельные” и потому остающиеся непрочитанными газеты не приносят никому пользы и быстро разоряются. Тот же критерий вполне работает и для писаний историков — к чему они, если нет аудитории? Тщательно подготовленное, написанное и отпечатанное историческое исследование, лежащее мертвым грузом на полках университетских библиотек и замеченное лишь горсточкой коллег — что это такое, как не очередной пример сизифова труда? Мало собрать и упорядочить историческое знание, его еще нужно передать другим, а для этого оно должно быть представлено в “читабельной” форме. Толь-

ко так, а не иначе, оно сможет послужить общественному благу и укрепить дух общества. Итак, вот еще одна добродетель, которая должна быть присуща историкам и журналистам — искусство занимательности. Конечно, это требование ни в коем случае не отменяет другого, о котором я уже говорил выше — и историки, и журналисты обязаны ревностно и бескорыстно искать истину.

Итак, я перечислил пять основных добродетелей исторического и журналистского ремесла. Мне остается добавить только одно. Историческое описание кончается на сегодняшней газете, журналистское — на подготовке завтрашнего издания. Именно в этих границах и разворачивается деятельность представителей наших профессий. Но это еще не полная картина. Если вернуться к использованной ранее метафоре океанского лайнера, можно отметить, что хотя журналисты и историки в основном изучают уже пройденный путь, им вовсе не возбраняются попытки разгадать курс и пункт назначения корабля. И истории, и журналистике не чужд интерес к футурологии, что я могу подтвердить на собственном примере. Я люблю угадывать, каким будет мир конца девяностых годов и что может случиться в следующем столетии. Не собираюсь за это извиняться. Есть немало пользы в том, чтобы изучать ведущие тенденции нашего времени и прогнозировать их дальнейшее развитие. Пытаясь предсказать будущее на основе знания, логики и воображения, мы заново смотрим на прошлое и лучше понимаем настоящее. И не стоит недооценивать роль воображения в изучении человечества. Любому из нас суждено прожить лишь собственную жизнь. Собирая сведения о прошлом и настоящем рода человеческого, мы стремимся понять миллионы человеческих жизней, а для этого требуется доброжелательное и сочувственное воображение. Историки и журналисты интересуются фактами и еще раз фактами, но сами факты обретают смысл и значение только в той

мере, в какой они влияют на жизнь конкретных людей. Нужно уметь объединить безличные факты и живых людей, объективно описывая и анализируя их связи и отношения. Это важнейшая задача пахарей на журналистской и исторической ниве, и здесь не обойтись без живого и творческого воображения.